

СТРАСТИ НА ТЕАТРЕ

НЕШНЕ благопристойное и даже respectable течение жизни Куйбышевского драматического театра в конце нынешнего сезона было взорвано несколькими внезапными событиями.

На доске объявлений вдруг появилось «Открытое письмо» народного артиста РСФСР Б. Ф. Заволокина. Он обращается к труппе прямо-таки с меморандумом, в котором пишет не столько о конкретных причинах своего ухода, сколько рассуждает о... гуманизме. Даже цитирует Ленина (со ссылкой на том сочинении и страницу): «Действовать насильем... значит погубить дело».

«Я хотел бы просто, без обиняков, обратить ваше внимание на проблему гуманизма», — пишет Заволокин — Это слово принимается нашей администрацией как демагогия».

Всегда ли можно жить в сообществе сужаемых людей как «пятая колонна»? Тем более находится под постоянным риском «танкового удара».

Какая «пятая колонна»? Какой такой «танковый удар» в театре, который работает солидно и стабильно, ставится другим в пример и даже считается в инстанциях одним из лучших в России?..

Еще одно «Открытое письмо» появилось на страницах городской газеты «Волжская заря». Художественный руководитель театра П. А. Монастырский и его товарищи «ставят на место» руководителей и рабочих крупного стройтреста № 11, выступивших в той же газете против идеи трехэтажного пристроя к старому зданию театра. Лавина писем буквально захлестывает газету, и она печатает многие: общественность города почти единодушно осуждает идею пристроя, попутно выражая неудовлетворенность и уровнем спектаклей театра последнего времени.

В «Советской культуре» (27 мая с. г.) появляется корреспонденция профессора А. Финка под названием «Двойная игра». По его мнению, работники «Волжской зари» ведут двойную игру, будто бы защищая идею сохранения здания старого театра, а на самом деле решив опорочить худрука, весь коллектив. В ответ «Волжская заря» перепечатывает и корреспонденцию А. Финка, и свой комментарий под красноречивым заголовком: «Амбиции проигрывают. Выигрывает дело» (9 июня с. г.), еще резче выражая свою позицию: двойную игру ведет не газета, а П. Монастырский, который решил поднять общественное мнение, никому не позволив выступить с критикой в свой адрес.

П. Монастырский торжественно пишет заявление об уходе с поста художественного руководителя театра, подает заявление в суд на газету...

Попробуем разобраться в подоплеке событий, которые и сегодня продолжают сотрясать куйбышевский театр, до недавнего времени напоминавший чинный и благополучно-комфортный корабль, у которого стал отказывать двигатель.

Двигатель, собственно, стал барахлить давно, и талантливые, беспокойные люди не могли не заметить этого. Они объединились, решив создать свой, альтернативный академическому театр. Инициаторами «Свободного театра» (так полемически

они назвали свой коллектив) стали энергичный, одаренный артист Е. Жуков и Б. Заволокин. Вместе с московским режиссером Л. Ароновым (в это время он ставил в академическом театре спектакль) в свободное время они осуществили озорную, эффектную постановку по пьесе Марка Розовского «Концерт Высоцкого в НИИ». Довольно быстро добились в инстанциях разрешения на показ спектакля и с успехом сыграли его несколько раз (опять-таки в свободное время). Никому заранее о своей работе решили не говорить — боялись, что дело погубит не родившись. И промахнулись в тактике...

Монастырский проводит стремительное расследование. Негодует, что у него не спросили разрешения, даже в известность не поставили. Заметим, что негодует справедливо — с худруком надо было объясниться.

Тут как на грех является на спектакль под хмельком молодой артист К. Ему во время спектакля надо было, выполняя работу монтировщика, переносить реквизит, и он надеялся, что его состояние не будет замечено. Заметили. Немедленно положили худруку. Началось дознание: расскажи, с кем пил, кто вообще из актеров любитель «этого дела». Молодой артист (он вот-вот должен получить квартиру) пришел в смятение. «Но ведь со мной никто здороваться не будет», — сказал он. «Сначала не будут, а потом будут», — учил жизни худрук. К. покаялся, выложил все, что знал. Мелькнула фамилия Заволокина...

И вот собрание. Гневные обвинения сыплются на Заволокина. Он, оказывается, «пятая колонна». И она будет безжалостно раздавлена «танковым ударом». «Или там, или с нами», — заявляет Монастырский.

Заволокину предлагают решительно осудить свое поведение. Но в нем не умерло чувство достоинства — наоборот, оно возродилось. И он возьми да и скажи фразу, которую говорит Бухарин в спектакле «Дальше, дальше, дальше...»: «Если вы будете гнать всех не очень послушных, вы рискуете остаться в обществе дисциплинированных дураков».

Мог бы Заволокин остаться в театре, мог бы выиграть борьбу — его поддерживали партийные, советские работники. Тем более с артистом К. он не пил, в обществе спора был прав. Но он не стал бороться, зная, что «танковый удар» все равно последует, а силы-то хочется тратить на творчество. Написал заявление и уехал — благо спрос на него как на хорошего артиста есть.

Ну а если спроса нет? Если ты не народный, а просто артист? Дозволено ли тебе сместь свое суждение иметь?

Борьба Евгения Жукова с Монастырским была слишком неравной. Думаящий, много читающий и хорошо знающий современный театр, Жуков время от времени «выпадал из гнезда», был способен на аргументированные критические замечания в адрес главного. Его предупредили раз, другой: «Вы цинично относитесь к завоеваниям театра, рубите сук, на котором сидите». Жуков возразил, что критика —

В редакцию поступила статья давнего автора «Литературной России», писателя из г. Куйбышева Алексея Солоницына. Суть ее — конфликт внутри Куйбышевского академического театра драмы имени А. М. Горького. Мы предлагаем читателям познакомиться с этой точкой зрения, как нам кажется, отражающей общую обеспокоенность тревожными ситуациями в культуре сегодня.

это не цинизм. А актера если уж не любить, то хотя бы уважать надо.

Таких рассуждений худрук не прощает. Да и как прощать, если в своей книге «Главный режиссер» (Куйбышевское книжное издательство, 1985 г.) он декларирует: «В театре — самая главная фигура — актер», — выделяя эту фразу разрядкой.

На Жукова стала готовиться резко отрицательная характеристика к очередным актерским переизбраниям.

Для всех без исключения актеров переизбрание превратилось в пытку, многих привело к нервным потрясениям и физическим расстройством.

Евгения Жукова как ветром вышибло из театра. Грянул гипертонический криз, он слег.

Много месяцев тяжело болела актриса Ш.

Покушался на самоубийство молодой, очень одаренный актер Д.

Не желая идти на экзекуцию переизбрания, где публично унижается человеческое достоинство, по собственному желанию из театра ушла группа профессионально крепких актеров. Они были нужны театру, но не нужны Монастырскому: позволяли себе не соглашаться с его мнением.

Но тот, кто послушен, нужен Монастырскому, переизбрания может не бояться.

Спросим: а куда же смотрит худсовет? Дружья-коллеги-то куда смотрят?

А туда, куда и худрук.

Худсовет театра избирается по тщательно подготовленному и отпетированному сценарию. Главные и обязательные представители в нем — это и есть тот «костяк театра», о котором любит говорить Монастырский.

Долгое время парторгом был малоизвестный актер Д. Букин. Играл и играет он второстепенные, эпизодические роли, но они неизменно отмечались как «ярко и интересно сыгранные».

Наконец Букину дали отставку. Пар-

торгом стал куда более заметный артист В. Пономарев. Теперь и его роли, которые прежде не замечались, оказались «ярко и интересно сыгранными». Стоило, однако, В. Пономареву поспорить с Монастырским, как парторганизация его переизбрала.

На этот пост была рекомендована актриса С. Боголюбова, которая при любых обстоятельствах поддерживает Монастырского. Она не всегда активно была занята в репертуаре, но, став парторгом, получает немало главных ролей. Я не сомневаюсь в творческих возможностях С. Боголюбовой. Ставлю под сомнение искренность ее позиции.

С представителем профкома дело обстоит попроче. Тут не обязательно давать главные роли. Но и обижать нельзя. В общем, «костяк» должен быть при деле. Нельзя забывать о ставках, квартирах, вести «вперед и выше», выставляя на дистанции красные флажки: «заслуженный», «народный»...

Ах, как верит артист в силу звания! Как надеется, что оно защитит его от беспредела, от соглашательства, сделок с совестью!

Увы, все это напрасные надежды. Такой лидер, как Монастырский, поставит на место артиста с любым званием.

Ходят по театру заслуженные и народные как по струнке, теряют дар речи, когда надо защитить попавшего в беду товарища. Отмалчиваются, отсиживаются, лишь бы пронесло, лишь бы лично не задело.

Страшно столкнуться с «хозяином». Не приведи господи.

В книге «Главный режиссер» Монастырский так формулирует центральную задачу руководителя театра:

«Главный режиссер годами своего труда, своими личными качествами обязан создать в театре такую человеческую атмосферу, чтобы свести к минимуму факты несправедливости, должен вселить уверенность, что любая беда и тревога артиста найдут в кабинете главного поддержку и понимание». Об этом же —